

На фоне важнейших исторических событий, происходивших в прошлом веке, рождение мальчика по имени Лёня на просторах южного Урала, в местечке деревни Круглое в 1913 году протекло незаметно. Но прошло лишь тридцать два года от появления ребёнка на свет, как страна занесла его имя в анналы своих героев: оно навечно значится в списках военной части, где он служил. Его именем названы улицы, гора, перевал, пароход, посёлки, район Сахалина.

В селе Леонидово, названном в его честь, на территории мемориального комплекса, стоит бюст — мраморная доска, а на ней золотыми буквами выбито: Леонид Владимирович Смирных — Герой Советского Союза.

Прах комбата упокоился в нескольких тысячах километров от Южного — Урала — малой Родины Героя. Более века прошло от рождения, но там помнят его и поминают. Поминают и помнят о нём и здесь на Сахалине — моей малой Родине.

179 стрелковый полк — на Котон.

Августовская погода на острове всегда отличалась неустойчивостью и мокротой. Сорок пятый год тоже не стал исключением. Только вчера в Абрамовке и окрестностях было довольно прохладно для этого времени года. Дул порывистый ветер. Казалось, что погода как-то приуныла, чего-то ждала: то ли дождя, не всегда теплого даже в это время года, а уже где-то с грустным шелестом, отрываясь от веток, изредка начали падать, отчего-то быстро пожелтевшие, первые берёзовые листочки. На острове природная сущность очень тонка и чутка к переменам. Синоптик может ошибаться в прогнозах — его за это простят, а природу прощать не стоит. Она сама себе всевышний — Божий предсказатель и исполнитель. Она чувствует, ждёт и..., вот..., уже на утро вновь пригрело солнышко, а она, приветствуя его, шумно прошелестела листочками, травами — облегченно выдохнула... Сегодня, взяло верх теплое морское течение, а завтра, быть может, приливные силы холодного покажут свою мощь. Поэтому, в течение даже одних суток, погода здесь может меняться несколько раз. Но природа — она всегда права....

Ровно в восемь батальон затих на общем построении по команде смирно. Вперед вышел комбат.

— Товарищи бойцы! Несколько месяцев назад мы праздновали Победу над Германией. Она, как оказывается, не одна такая воинствующая в мире. Есть еще Япония. Но у нас к ней есть свой особый счет. Мы хорошо помним разгул японской военщины на нашей Дальневосточной земле в 1918-1920-х годах, в том числе и на Сахалине. Прошло сорок пять лет господства здесь японцев. Даже еще живы ветераны, которые помнят 1905 год и ждут, когда восстановится справедливость. Тогда мы не смогли противостоять врагу. Теперь наша армия как никогда сильна. И если японцы не понимают, что сейчас не 1905, и люди, и армия теперь тоже далеко не та. Мы это им напомним. С некоторыми из вас я прослужил уже много лет, с некоторыми год — два. Почти всех помню в лицо. В нашем батальоне

“Здравствуй, комбат”

Выдержки из проекта повести Анатолия Спиридонова

около половины бойцов Сахалинцы и Дальневосточники, я на вас очень надеюсь. Всякое было и хорошее, и плохое, ругались иногда. Сейчас надо все забыть, отбросить. В бою защищать друг друга. Берегите командиров — они первые на мушке снайперов. Запомните самую простейшую истину — не ты его, то он тебя убьет: мишенью теперь перед вами будут живые. Не задумывайся не на секунду — она решает все: бей — это твой враг.

А еще не забудьте, что мы с вами должны пройти по площади в парадном строю — как победители. И последнее: у меня в руках номер вчерашней дивизионной газеты «За Советскую Родину». В ней на первой полосе наш корреспондент старший лейтенант Алексей Рыжков написал: «Мы пойдем сейчас в атаку, кто-то из нас будет ранен, убит. Но мы сражались за нашу великую Родину. И если не мы, то наши дети увидят плоды наших побед и с благодарностью вспомнят о нас. Ура, товарищи!»

Идти по тундровой, даже медвежьей тропе, болотистой местности речной поймы с частыми кочкарными участками, местами горелому лесу и сухостою, утопающему в болотине, даже в условно сухое лето в этом краю невероятно тяжело физически здоровому человеку. С самого начала пути, немногим больше километра, шла обыкновенная тундровая марь, которую довольно компактно батальон одолел споро. Но она быстро закончилась. Бойцы были, конечно, здоровы, но к таким гиблым местам, с огромным перегрузом боезапаса на себе, многие просто не были готовы. А если учесть прошедшие проливные дожди — идти было действительно очень сложно.

В некоторых местах красноармейцы просто боялись проходить по зыбкой, колеблющейся под ногами массе торфяных ошматков, — а вдруг, ухнешься по макушку и утонешь. Не легче было пересекать высотой по пояс, жутко переплетенные площадки жестких прутьев багульника, лежащие вповалку жерди, бревна, искусственно созданные природой сухостойные роши лиственницы. Не менее страшно было ступать в черную, булькающую под ногами воду тундровых бочажин, тогда выручали дальневосточники.

Японцы, по сути, окруженные со всех сторон отчаянно, жестко, переходили на рукопашные схватки. В одном таком рукопашном бою, убив штыком пятерых японских солдат, погиб от пули японского офицера лейтенант Хисматулин, рядом с ним ожесточенно дрались старшие сержанты Истомин и Волосков, но защитить командира не успели. Бой за пост, не прекращаясь, шёл до трёх часов ночи, пленных не было — не сдавались. В ночи вырыли братскую могилу. Оставив отделение бойцов, чтобы они с восходом солнца похоронили павших бойцов, сержантов и офицера, произвели зачистку поста, собрали документы, трофейное оружие, боеприпасы, продукты. Уваров с ранеными, несколькими трофейными пулемётами

и миномётами, боезапасом японцев, направился по следам батальона к следующему узлу сопротивления, как показал раненный японец, под названием Чисю. Но, тот узел оказался далеко не шуточным крепким орешком.... Находился он в шести километрах на юго-восток, недалеко от реки Поронай.

Примерно в то же время, когда закончился бой на Муйке, две роты батальона Смирных начали, почти не прекращающиеся сильнейшие бои на Чисю. В скором времени сюда подтянулся полк подполковника Кудрявцева, вернее не полк, а второй батальон полка, потому как комдив Батуров оставил первый в своём резерве. Свернув обстановку с комбатом, Кудрявцев со своим батальоном втянулся в бой, который прекращался лишь на небольшие передышки для перегруппировки, выноса и спасения раненых. Прошло уже немало времени, но подавить огневое и физическое сопротивление противника не удавалось. Даже не смотря на усилившийся натиск русских, по прибытию батальона Кудрявцева, накал боев не спадал. Убойный огонь японцев по пристрелянным площадям, ливень свинца из дзотов, а их, как позже, оказалось, здесь было почти два десятка, с перекрытиями в несколько накатов и земляной засыпкой от полутора и до двух метров. К тому же, расположены они были в шахматном порядке менее ста метров друг от друга по всему периметру укрепрайона. В целом же, сама линия обороны укреплялась и совершенствовалась японцами не один десяток лет. Все укрытия, включая сюда и долговременные земляные огневые точки, были отлично замаскированы, с телефонной связью, а местность хорошо изучена. Всё это давало большое преимущество врагу, а наши батальоны несли потери.

Позже, к исходу дня, основные силы полка уже дрались в Котоне. Во время наступившей передышки, со стороны Чисю продолжали слышаться звуки не прекращающегося там многочасового боя. Смирных, встревоженный этим обстоятельством, после ужина, доложив обстановку подполковнику, послал туда хорошо вооружённый взвод автоматчиков лейтенанта Глушкова. Всю ночь там шёл бой. С рассветом, похоронив убитых товарищей, захватив раненных, поредевшая рота Уварова пошла на Котон.

К вечеру подполковник собрал командиров батальонов, рот.

— Обстановка товарищи такова. Мы увязли тут довольно крепко. Сопротивление японцев не ослабевает, мы теряем людей. Но основную задачу по захвату железнодорожного узла Котон не выполняем. Поэтому я принял решение: в ночь, я со своим батальоном и ротой Дорохова из батальона Смирных выдвигаюсь на Котон. Капитан Смирных, вы ротой блокируете этот узел, продолжаете его уничтожать. Что слышно от Уварова?

— Не успел вам доложить, несколько минут назад, прибыл от него посыльный. Рота Уварова в количестве 108 человек, движется в нашем направлении, с ними 21 человек раненых. На Муйке он оставил отделение солдат для захоронения бойцов, сержантов, офицера. Погиб лейтенант Хисматулин: героически в рукопашном бою, штыком заколол пятерых японцев, японский офицер из нагана убил его, сержанты Волосков и Истомин уничтожили его. Погибших двенадцать человек. Оставленное отделение должно забрать документы поста, трофейные пулемёты, боеприпасы. Уваров взял с собой два японских пулемёта Гочкис, два миномёта, гранаты. Время прибытия роты в районе девяти часов вечера. Кстати вы говорили о шести уничтоженных долговременных огневых точках. Благодаря умелым действиям снайпера Яськова и пулемётчика Зуева можно добавить седьмой.

— Вот и хорошо, как только приходит Уваров, мы снимаемся, — сказал Кудрявцев. С первыми сумерками батальон Кудрявцева и рота Дорохова снялись, и пошли в сторону Котона. Подошедшая рота Уварова заняла их позиции. Передвижки на наших позициях, скорее всего не осталась без внимания японцев. Ведь, кроме японских командиров, наблюдавших, корректировавших огонь и сам ход боёв с русскими, были ещё кукушки, которые кроме того, что наносили ощутимый урон в рядах бойцов, как снайперы, они зачастую были ещё и корректировщиками огня.

Вероятно, передислокацию наших подразделений японцы поняли, как вновь прибывшее большое пополнение у русских. Потому что после очередной ночной атаки, комбата Смирных донесли, что часть позиций неприятель покинул. Возможно, повлияло на такое настроение японцев ещё и то, что Уваров перед атакой предложил комбату, зайти на Чисю со стороны реки Поронай с двумя взводами, по опыту Муйки, навести там большой шум гранатами, тем более, что с той стороны собак у японцев не было. Место оказалось, настолько заболоченным, что бойцы пробирались, ползли буквально в болотной жиже. Для врага это оказалось большой неожиданностью, а успех у русских был потрясающим.

Ночью, проанализировав обстановку, результаты боевых столкновений, а они были внушительные: одних только Дзотов было уничтожено десять за половину ночи. Учитывая, что часть японцев ушла с позиций, Смирных принял решение: оставить для блокировки и зачистки оставшихся сил противника взвод лейтенанта Глушкова и, двумя не полными ротами идти на железнодорожную станцию Котон.

В это время бойцы роты Дорохова и батальона Кудрявцева, а позже остатки батальона Смирных, пробираясь через болота, топкие места, мощные прибрежные и пойменные заросли рек, речушек и ручьёв двигались к железнодорожному узлу: иногда по груди, по пояс в воде, неся над головой оружие, боеприпасы, вытаскивая миномёты.

Продолжение в следующем номере.

Продолжение.

Начало в № 32 от 13 августа.

Первой к станции подошла рота Дорохова. Было тихое, раннее, несколько сумрачное с туманной дымкой время предразсветья. И, хотя утренняя картинка в целом складывалась мирной, красивой даже, не предвещающей ничего худого. Намётанным взглядом через окуляры бинокля, Сергей Константинович сразу определил несколько явных огневых точек, позиционных стрелковых укреплений противника, удобные места для ведения японцами огня из - за насыпи известкового камня, вагонов и едва ещё угадываемых строений станции.

Но не зная всей обстановки комроты решил начать столь красивое утро с разведки боем. Японцы, ещё не совсем проснувшись, были ошарашены внезапным огнём, а может и не им, а самим появлением здесь русских. Но быстро сконцентрировавшись, подбросили дополнительные силы. Отбили утреннюю атаку, вторую.... Организовав жёсткую оборону, атаковали. Немногим позже разгорелся сильный бой севернее станции к железнодорожному мосту, с подошедшим батальоном Кудрявцева. А ещё через несколько часов начали боевые действия красноармейцы, подошедших рот Смирных южнее станционного строения на стыке с ротой Дорохова. Правда, прочного стыка не получилось: к тому времени японцы почти окружили подразделение старшего лейтенанта. Яростным натиском смирныховцы опрокинули врага. Все были обрадованы: батальон, хоть и поредевший, объединился в единый кулак.

Котон в те времена был, по сути, небольшим поселением, гражданских почти не было, да и жили они через речку к северу, но японцы почему - то называли его городом. От южных склонов сопки, поднимаясь вверх, находился мощный укрепрайон Харамитогэ. Отсюда же начиналась железная дорога на юг острова. Поэтому все подступы к укрепрайону были буквально напигованы живой силой врага, дотами, дзотами различными сооружениями из земли и бетона для укрытия войск, лошадей, пушек, миномётов, вся местность хорошо пристреляна. Японцы очень хорошо умели маскироваться: множественные распадки, расщелины, своеобразные складки местности использовались под склады, казармы. Прокладывали они и замаскированные тропы, устраивали многочисленные запасные и основные засидки для снайперов. К тому же этому способствовали как таёжные, так и кустарниковые заросли.

Бои шли очень сильные, жёсткие до рукопашных - за каждую постройку на станции, пакгаузы, вагоны, вокруг множественных огневых точек, за каждый метр рельс и земли. Особо упорно защищали японцы само здание станции. Она не раз переходила из рук в руки. Уже второй раз, заняв станцию, Смирных оставил на её защиту расчёт самого лучшего пулемётчика батальона, коммуниста, сержанта Чегоданова и отделение солдат. Леонид Владимирович подошёл к пулемётчику, обнял его и сказал:

- Смотри сержант, я на тебя очень надеюсь. Боезапас достаточно, да и орлы вон, какие у тебя.... Осталось немного светлого времени, может самурай не сунется сюда сегодня. Уже сумерки начинаются. Вот ещё что, товарищи бойцы, это здание, оно сейчас, как престижный международный приз - кто им владеет, тот как бы и станцией всей железнодорожной обладает. Вот почему они так яростно за неё бьются, так же как и мы, а для нас тем более - каждый метр рельс и шпал важен. За каждую пядь земли бьёмся, кровь проливаем - это не их, а наша земля...

- Я знаю сержант, что ты коммунист, как и я, но сейчас я говорю с тобой, как христианин Руси нашей, - капитан, расстегнув ворот своей

“Здравствуй, комбат”

Выдержки из проекта повести Анатолия Спиридонова

гимнастёрки, снял с себя маленький, на церковном гайтанчике крестик и, одев на шею Чегоданова. - Не красней и не стесняйся, солдат - он от самых недр нашей Родины, моей малой Родины, из Челябинска, намолёный: меня всегда бережёт. Пусть он теперь побережёт тебя...

Но не сберёт, на сей раз, крестик простого русского парня. Несмотря на надвигающиеся сумерки, японцы пошли в атаку, произошла жестокая схватка. Бойцы наверняка отстояли бы станцию, но враги численностью и массированным огнём задавили защищавшихся бойцов. Убиты были все:

- Ну, держись жёлтая раса. Уж сейчас я вас уважу - разубажу хорошенько, - закричал пулемётчик, расстреливая последнюю ленту патронов. Когда закончились патроны Чегоданов начал отбиваться гранатами - окружение сжималось. Тогда боец разобрал пулемёт на части, разбросал их в разные стороны. Подождя, когда враги подойдут поближе, подорвал последней гранатой себя и пятерых японцев.

Никто в это время не смог прийти красноармейцам на выручку. Все силы батальона были переброшены на прорыв окружения, в которое попал батальон Кудрявцева. Но утром 14 августа, ещё до рассвета. Молча, тихо, возникший как призрак из пелены утреннего тумана, штурмовой отряд добровольцев во главе с капитаном, пронизанный с головы до пят чувством мести, разорвав в клочья сонную тишину окрест, расстрелял, подорвал, растерзал всё и вся за полчаса напористого и безжалостного скоротечного боя эту, политую кровью наших солдат проклятую станцию. Но проклинали и ненавидели солдаты не станцию, как таковую, а то, что они увидели там после боя: все бойцы были зверски истерзаны - у кого-то были отрезаны уши, штыками выколоты глаза, некоторые обезглавлены, часть трупов заминирована, исколота штыками.

- Это наша земля, - ещё раз повторил комбат...

- К Смирных подошёл боец, - Вот, товарищ капитан, рядом со станком пулемётным нашли, - разжав кулак, поднёс на ладони командиру крестик и разорванную верёвочку... Раскиданные Чегодановым части пулемёта собрали, как и сам пулемёт и он ещё успел отомстить за своего хозяина. А на внутренней стороне шитка кто-то написал белой краской - Чегоданов...

- Этот день вообще выдался необычайно кровавым, злым и грохочущим, с почти непрекращающимися боями до самой темноты. А темнота - она тоже не давала отдыха: надо было посчитать убитых и раненных, мёртвых перенести в одно место: сегодня ни сил, ни возможности на захоронение просто не было. Раненных надо было отнести, отвести в санбат, осмотреть, перевязать Смирных даже был рад, что в батальоне только одна девушка санитарка Аня, потому что за ними усердно охотились снайперы. Но, не смотря на то, что санчасть была в отдалении от боёв в лесу, как раз ей смертельно не повезло. Видимо, снайпер обнаружил место стоянки лагеря, решил позабавиться. Сперва, подстрелил Аню, именно подстрелил, а не убил. Не подпускал к ней никого. Она кричала, звала на помощь, истекая кровью. Санитара, который попробовал к ней подползти, убил, ходячего раненного тоже, потом второго. Кроме них ещё трёх из числа любопытных. Узнав про это, Смирных отрядил двух автоматчиков и снайпера. Через полтора часа группа

вернулась - кукушку они уничтожили, а девочка из - за потери крови, умерла.

Как только наступала ночь, прекращались выстрелы, бойцы тут же на позициях, ничком мертвецы засыпали. Но передок, вместе со спящими, надо было охранять. В сторожевые часы шли только добровольцы - офицеры и сержанты. Они же будили поочерёдно солдат, поили их горячим чаем, те в полусне пихали в себя сухпай или что - то сваренное и моментально падали, уже уснув.

- Этот же тяжелейший день принёс и сюрприз, даже два, как для батальона, так и для японцев. Котон во все времена был разделён рекой, на разные по размерам части. Сюда на север от станции к мосту шёл заметный уклон. И, вот отгребел только что кончившийся, далеко не в пользу русских бой, шла вялая перестрелка. В это время, под прочно укрепившимся на небосводе десяти часовым утренним солнцем, по стыкам рельс, уже прочно забывшим, что это такое, застучали колёса. С юга на север под уклон, с убыстряющейся скоростью, что - то ехало и орало. Перестрелка с обеих сторон враз прекратилась и, в это мгновение с этого чего - то застрочил по опешившим японцам, станковый пулемёт Максим, за которым лежал комсомолец сержант Паршин. Секунды после первых же выстрелов понадобились капитану, чтобы понять замысел бойца. Он передал приказ идти в атаку. Своеобразная волновая атака удалась. Батальон отвоевал ещё одну позицию у врага. Так дерзкий, неустрашимый - наглый, но не безрассудный замысел комсомольца Паршина, спас чьи-то жизни, а сам Бог даровал ему за это жизнь. Позже он будет награждён орденом Красного знамени. После боя комбат вызвал к себе сержанта.

- Товарищ капитан, сержант Паршин...

- Постой, постой сержант, пригнись, присядь, - обнимая его, сказал Смирных. У нас тут кукушка постреливает, никак не можем уговорить. А ты просто молодец, откуда родом?

- Да из Миасса, товарищ капитан - Южный Урал.

- Вот даже как! Так, выходит, мы с тобой земляки. А я из деревни Круглое. Вот что значит уральцы - кремень словом. У нас атака сорвалась, а ты в это время на вагонке - летит, орёт благим матом, да ещё материться - такого японцы ещё не слыхивали, оттого и замерли, ничего не понимая.... Где её раздобыл?

- Там к югу от станции, в кустах. Мы с ребятами её выволокли, поставили на рельсы, положили шпалы, поставили пулемёт, разогнали, я и поливал, и орал...

- За подвиг хвалю, напишу представление на награждение, но мне надо было сообщить.

- Так, товарищ капитан, обстановка так быстро менялась, надо было помочь батальону. Да, и если бы доложил - не пустили бы вы.

- Смирных рассмеялся, - это точно, не пустил бы.

- Ну, хорошо, молодец - иди уже налётчик - пулемётчик. Да живым останься, удачи тебе, как сегодня.

Второй, уже послеобеденный, случился, когда солнце торопливо шло по закатной траектории, теперь это было сюрпризом для русских. Хотя, как потом сказал комбат: «Это мы уже проходили». Так оно и было, потому что в одном из первых звуковых фильмов «Чапаев» были показаны кадры психической атаки капеллецев - кино это Смирных видел ещё в Челябинске. А батальон в прошлом году летом, да не один раз, у себя в расположении, на подаренной генералом Батуровым киноустановке, за отличные

успехи в боевой и политической подготовке батальона.

Выглядело это в современном исполнении японцев, конечно, эффектно. Похоже, ещё не нюхавших порохов солдат, порядка ста человек, перебрали сюда по шоссе на дороге с юга. Как выяснилось позже, сам начальник штаба, с офицерами, при параде, с мечами на поясах, построили солдат в квадрат. Затем, с развёрнутыми знамёнами страны восходящего солнца, Арисаками и английскими Гочкисами на плечах они, печатая шаг, направились в сторону нашей обороны. Зачем тогда был нужен этот маскарад сразу, навскидку понять было невозможно. Единственно, что могло придти на ум, их же японский постулат об исключительности желтокожей арийской расы, очень близкой к гитлеровской идеологии. Но как - то уж не вписывалось сейчас это живописное полотно в пейзаж действительности: на фоне пожаров, стрельбы, человеческой крови, мучений и, повсюду лежащих трупов.

У наблюдающих за происходящим бойцов и командиров возникал, и передавался от одного к другому безответный вопрос: «Зачем». О психологическом воздействии, на который так уповали японцы, сами русские и не думали - они просто освобождали свою землю, им было не до психологических тонкостей.... Со стороны же позиций врага местами стали показываться знамёна, крики «Банзай». Наверное, для наших бойцов это было как - то комично даже, вызвало некоторую жалость к этим молодённым солдатам, они были как оловянные, не помятые совсем - неужели никто не понимал, что сейчас они просто расплавятся. Может это был обыкновенный японский фанатизм, возведённый в запредельную степень - им внушили, и они тому беспредельно верили, что сейчас же русские ступают, дрогнут, побегут..., но не случилось.... Ни тогда - во времена знаменитого Чапаева, ни сейчас, здесь на Сахалине перед батальоном Смирных.

- Как красиво идут, - рассматривая в бинокль довольно внушительный квадрат, - сказал капитан. Какие - то они чистенькие. Без моей команды огонь не открывать, подпустим ближе. А про себя подумал, - жалко даже их немного. Не дойдут ведь. С другой стороны пулемёты нужны позарез, боеприпасы. Туговато у нас с этим стало. А посланные за ними бойцы на ту сторону реки не вернулись.

Обе стороны, как нетронутые никем, натянутые до предела гитарные струны, молчали, расстояние сократилось до предела.... Массированный огонь из всех, имевшихся средств батальона, уничтожил всех. Мгновенно, разрастаясь по всему фронту, начался неумолкавший до самой темноты бой. Ярости японцев не было предела, но и русские были безжалостны. Несколько раз в этот день, в критические моменты водил своих бойцов на врага капитан Смирных, участвовал в рукопашных схватках, был на самом краю смерти, видел её в лицо, но вышел живым.

Прошедший день действительно выдался чрезвычайно тяжёлым, тем более под самый его конец японцы сильно огорчили комбата, заняв вновь полуразрушенное здание станции. Но всё же ночью, оставшиеся в живых командиры, проанализировав этот проклятый день, пришли к выводу, что он стал рубежным, переломным. По всем признакам, следующий, хоть и не будет последним, но победным.... Да и сама битва за Котон, в основном, завершится завтра - так оно и вышло.... Но потери того дня были очень большими. Батальон за три дня потерял половину офицеров, столько же сержантского и рядового состава, более всего потерь пришлось именно на тот проклятый день. В ротах по - разному, например, в девятой у Дорохова из 148 человек осталось треть состава.

Продолжение в следующем номере.

Продолжение.

Начало в № 32 от 13 августа,
№ 33 от 20 августа

Большие японские командиры к тому же, вероятно осознав, что особая опасность им грозит не с юга, а с севера - припекало их сильно там - на Харамитогэ..., перебрали часть сил туда. Все офицеры на ночном совещании, согласившись с тем, что атаки против 179 стрелкового полка к вечеру несколько ослабли, сказались, конечно, и большие потери у самих японцев.

Военным военное: они, конечно, не обратили внимание на то, что сахалинское лето уже понемногу закатывается в осень. А земной шарик, совершая свой обычный полёт, настойчиво поворачивает к солнцу еще, не успевшую отдохнуть, остыть от вчерашних дневных потрясений многострадальную сахалинскую землю новому дню. Повидавшая всякого на своём веку природа терпела, потихоньку вздыхала и молилась за русских.

Утром, все, какие только были миномётные мощности из двух батальонов, обрушили шквал мин на стационные развалины. Попадания теперь были точными, потому что местность была уже детально пристреляна - японцы понесли ощутимые потери и, впервые не отошли, а побежали. С небольшими потерями станция была отвоёвана. Сильные бои 15 августа происходили севернее станции к мосту через реку Котонку. Смирных в это день дал разрешение на повтор рейда с вагонеткой. Теперь сержанты Порошин, Дедюхин, Вахидов с тремя пулемётами Дегтярёва, запасом гранат наделали ещё больше шума.

Японцы, в общем - то ожидали возможного сюрприза с вагонеткой. Но это хорошо понимали и наши бойцы. На этот раз они сцепили две вагонетки. Для своей защиты на них соорудили в несколько венцов сруб из шпал. Батальоны были предупреждены, что бойцы капитана предпримут ещё один рельефовый бросок. Шёл бой, за его шумом, дымом японцы не сразу поняли, что это за чудовище внезапно появилось перед ними. К тому же, получив по цепочке известие, об отправлении литерного самодельного бронепоезда, бойцы увеличили плотность огня. От этого сержанты и на этот раз явились для неприятеля довольно неожиданно. Да и потом, теперь это была действительно внушительная, самодвижущаяся огневая точка, изрыгавшая мощный огонь из трёх пулемётов. Кроме того самодельный бронепоезд, как из миномёта швырялся гранатами, кричал и матерился...

В бою, порой, ситуация меняется секундно. Пока японцы принараивались к нововедению русских, устанавливали прицелы..., секунды эти прошли. Кинжальный огонь северного от моста батальона Кудрявцева и южного Смирных, последовавшая за этим стремительная атака русских решила исход боя. Затем последовала зачистка отвоёванной территории, а к вечеру полк овладел Котоном.

Тяжёлая, суетная жизнь военных людей другой национальности, определяла теперь жизнь поселения, даже запахи здесь появились совершенно иные. Кто - то просто радовался, что остался жив, кто - то скупо, по - мужски плакал, встретив друга. Другие просто сидели под уходящими, ещё тёплыми лучиками солнца, наблюдая, как оно быстро закатывается за сопку, иные курили махорку, иногда озираясь по сторонам - они ещё просто не верили, что можно вот так просто посидеть рядом с однополчанином, не опасаясь прилёта с какой - нибудь стороны гостинца от снайпера. Один, сидя на шпале всё тряс головой и ковырял в ушах - в них у него ещё стоял грохот от взрывов - хотя вокруг стояла тишина. Перековывали сюда и раненные. Немного запоздав, но быстро, явно и устойчиво по всей округе стал разноситься, долгожданный, ни с чем несравнимый аромат русской гречихи с тушёной. Впервые за

“Здравствуй, комбат”

Выдержки из проекта повести Анатолия Спиридонова

несколько суток бойцы по - настоящему, не во сне, не спеша, до отвала наелись каши, с горячим морковным чаем, не пожалели старшины в этот раз даже стужённое молоко.

Это была тяжёлая, выстраданная потерями боевых друзей, ранами, увечьями, слезами, навсёгда зарубцевавшимися морщинами в душе и на лицах, прядями седины у молодых ещё солдат - вот такой оказалась она - Победа! Впервые за сорок лет здесь запахло не только гречкой, но - Русью.

С надвигающимися сумерками кое - где зажгли костры. На огонёк подходили бойцы, вспоминали о боях, товарищах, конечно, о доме, о возможном скором окончании войны, вздыхали: дожить бы.... К одному из таких костров, опираясь на самодельный костыль, подошёл сержант.

- Хлопцы, а не видели вы тут снайпера усатого с ружьём?

- Да тут у нас половина усатых, а с ружьями все, - сказал один, - и не бритых столько же, - под смех товарищей добавил другой.

- А усы маленькие или большие, пышные?

- Во - во, пышные, примерно, как у Сталина.

- Тогда иди вон к тому костру, видел я там у одного похаживающего, и с винтовкой он.

Зуев, подойдя к указанному костру, увидел в круге света, сидящего Яськова. Тот задумчиво смотрел на огонь, курил.

- Что такой грустный дядя, - подошла сзади, и оперевшись на могучее плечо друга, спросил сержант.

- Во - во, а што я вам говорил ребята. Чуете - жив мой Зуев, жив. Пятнай ты муха. Вы только посмотрите на него. Кому - то Бог дал рученьки, а кому - то грабельки. Скажи ка мне герой пулемётчик, чегой - то ты меня своими грабелями тискаешь за плечо. Я тебе не женщина. Да и рано ещё о них скучать, японцы еще не кончились, - под смех однополчан начал Яськов.

- Садись друг, садись на моё почётное место, не обижайся, если что, это я так от радости душевной. Думал, уж не убили ли моего друга там в санбате. У вас же кукушонок там развлекался с девочкой, стрелил сколько - то человек. А тут - на тебе, вернулся, вернулся - перевернулся мой дружок.

- Так не могу я сесть, не могу сам без помощи. Пока прямо терпимо, а как согнёшься, хоть ревя реви - бочина крепко как болит.

- Ничего, ничего друг, давай сюда костыль. Теперь я тебя подмышки, вот так и, опускаю тихохонько, ну, вот и хорошо - будто и сидел здесь целый день.

- Ты правильно сказал, - продолжил разговор Зуев. Вчера у нас там переполох был. Подстрелил сволочь японская нашу санитарку Аню. Подстрелил, но не убил. Она нас зовёт, кровью истекает, больно ей, так жалобно кричит, прямо мороз по коже. Санитар пополз за ней, снайпер его хлоп - убил, один из раненных повторил попытку, и его тоже. Тут из палаток любопытные полезли, в том числе и я. Троиш он враз ухлопал, а мне опять повезло - только я приоткрыл полог палатки, а тут пулька в подпорку возле уха моего треск... Я свалился - понял, что он добивать меня будет, если пошевельюсь. Лежал так и, ведь, надо же - на раненом боку, больно так... Кто - то комбату сообщил, он прислал автоматчиков, снайпера.

- Ладно, - перебил друга Яськов, - она жива, нет?

- Подожди друг, а откуда ты знаешь обо всём?

- Нет - кровью изошла вся, умерла...

- Так что тут хитрого, меня и послал комбат и двух бойцов с автоматами. Пока шли, я им

рассказал, как надо себя вести, что будем делать. Я то, изучил повадки этих кукушек, смог его вызвать, он стрелил в меня, себя, конечно, обнаружил. Я же специально обнаружился, японец открыл на меня охоту. Пока мы с ним обменивались любезностями..., бойцы подошли к нему поближе. Потом я подал условный сигнал, крикая хорошо..., пока узкоглазый коллега переваривал, как сюда утка попала, наши подбежали к дереву и, давай с него лапник ломать с автоматов, в тот же момент я его самого сломал - упал на ветки так аккуратненько.... Мы сразу ушли, доложили комбату, передал я ему винтовку японскую снайперскую - бой же шёл, каждый боец на счету. Ну а ты что тут шастаешь, лежать должен, а он накомостиливает здесь вкруговую - грязный весь, какой - то...?

- Да, понимаешь, всю ночь я тогда не спал. Только начинаю засыпать вроде, а тут она - Анка, заявляется, ага, прямо, как наяву: «Ранбольной Зуев, зайдите в палатку, у вас постельный режим». Или, слышь: «Сержант Зуев, идите кушать!» Выделяла она меня как - то. Хорошенькая такая! Прямо закипело всё, что во мне было, еле утра дождался. Выстрогал хорошую костыляку под мышку и, потихоньку пошёл. Вышел на роту Дорохова, у него там много ребят побито. Не стал он меня выгонять. Бери, говорит, Дегтяря, дал бойца в помощь. Пополз я тихонько - вот так я за Анку отомстил. Покошил, похоже, неплохо этих ребят ускоглазых. Комроты, видно, за мной посматривал. Когда я после боя уходил, он приставил ко мне бойца на сопровождение. Сказал, что я пулемётчик очень хороший, фамилию записал, мол, наградить следует меня. Сегодня, наверно, хорошо спать буду, а если придёт ещё во сне Анка, расскажу ей, как отомстил за неё. Вот оттого Яськов я и грязный такой.

Да, - от чего-то часто заморгал, произнёс снайпер. Очень жалко, говоришь восемнадцать только стукнуло.... И, вот что этой сволоте желтомордой не живётся спокойно там, у себя за морем.... Ты знаешь Зуев, я сегодня я впервые, начал зарубки на прикладе делать. Даже в отечественную не делал этого, просто записывал тогда, а вчера открыл свой счёт и, первая зарубка со снайпера началась вчера. Вот так открыл и я свой счёт за Анку. У меня самого Анютка растёт. Ну, а сейчас куда костыль намылил?

- В санбат, куда же ещё. Всё ничего, плечо подживает, а вот бок, любой толчок до макушки пробивает. Фельдшер сказал, что завтра у нас хирург будет - порежет сразу. Вот только боюсь я. Понимаешь - иду и слышу, пулька моя прямо булькает где - то там..., так..., бульк..., бульк... Мне кажется, я даже её нащупываю где - то возле крестца. Ну, вот так мне Анна сказала, что это крестец.

- Ага, крестец - триндец. Может оно и так и есть. Ты, главное, по большому сходил, сходил... Это - хорошо..., значит заворота кишок нет, да и пулька не вывалилась, говоришь, в тундру. Конечно, зачем она там кому нужна - в тундре той. Всё своё ношу с собой. Это правильно, кому кроме тебя она нужна теперь - пулька та, тем более японская. Вот завтра хирургу всё подробненько и обкажешь. А если не поверит, меня позови - я могу всё подтвердить. Скажу, мол, так и так, не плотал он никакую пулю - пилюлю, это ему японцы задарили, в память о волнующей встрече в воронке - забросили прямо в бочину и, заметь, без всякого на то согласия бойца Красной Армии, - позёвывая, закончил Яськов, под громкий и продолжительный хохот костровитян, включая и самого Зуева.

- Вот Яськов, вот Яськов, - беззлобно улыбаясь, - проговорил Зуев. Я, значит, к нему со всей своей раненой душой, а он, прямо как тот чурбан, только что спилённый, со своим запотелым прицелом...

- Да ладно тебе, не ругайся. Пойдём, провожу, давай опирайся на меня. Поспать надо мне, устал шибко.... Никак выпасться не удаётся. Ни поесть, ни поспать, только родину спасать, - звал снайпер. Ты знаешь, што я забыл - то, - сказал на прощанье Яськов. Ты это - не забыл, что мы встречаемся на Параде, когда японца доломаем. Так ты меня найди там, ладно - только живи смотри.... Ах, ты ж ёлкин дрын - опять мы с тобой расстаёмся. Слушай Зуев, а как тебя зовут величают. А то, как я найду тебя - прибегит сотня сержантов Зуевых на парад - я и растерялся...

- Меня - Зуев Владимир Данилович.

- Ох, ты, отчество, какое красивое... русское. А меня Яськов Алексей Алексеевич. Тоже ничего, нипочём не спутаешь.

- Хорошо Алексей Алексеевич, буду искать.

- Ты, Владимир Данилович, ещё молодой, горячий, башку побереги, она у тебя большая, лобастая, не выставляй без надобности..., всяко может статься..., война ведь, смотри мне...

Друзья обнялись: им повезло - они действительно встретились...

Рано утром 16 августа Смирных получил от комполка приказ, разгромить военный городок японцев северо - западнее Котона. По мере овладения перейти на захват очередного опорного пункта в том же направлении в предполье Харамитогэ. Затем идти на соединение с полком. Теперь воевать с врагом стало намного легче: в батальон прибыло пополнение, оружие, боеприпасы, исправно работали кухни и, что немало важно, появилась возможность использовать помощь артиллерии и танков. Чем и не преминул воспользоваться капитан. К полудню военгородок японцев, наполовину разлетевшийся от артогня ещё до атаки батальона, был захвачен, теперь японцы сдавались...

После сытного обеда стали готовиться к следующему штурму. Теперь под рукой комбата были разведанные, он хорошо представлял себе - что и где у него впереди по фронту. Но из - за сильнейшего артиллерийского и миномётного огня противника атака батальона захлебнулась - бойцы залегли. Доложив обстановку Кудрявцеву, камбат запросил помощь артиллерии, она начала свою работу по целеуказаниям батальона.

Пока шла артподготовка, Смирных пробрался в переднюю цепь, залёгших бойцов. По всему передку из уст в уста прошла весть: «В атаку поведёт сам комбат, сразу после артподготовки вперёд». Как только смолкли орудия, комбат вскочил и, выкрикнув: «За Родину - Ура...!», не оглядываясь, побежал вперёд, как он делал это уже не раз. Атака на сей раз удалась, но завершилась без командира...

Пробежав два десятка метров, он упал как подкошенный. Убойная сила пули из снайперской винтовки остановила бег и жизненный путь, этого исключительно преданного своему делу человека - опрокинула на спину. Он упал с широко раскрытыми глазами, раскинув руки, словно хотел обнять напоследок что - то необъятное, своё - любимое..., но не успел...

Рядом горела трава, ниже по склону дымили какие - то, развороченные снарядами постройки. В помертвевших глазах командира, замерла закатная синева Сахалинского неба.... А, быть может, в них отразилась зеркальная гладь озера детства из его такой далёкой родной стороны.

Окончание на 9-й стр.

Подстрочник.

Парадный день выдался с утра немного холодноватым для конца сахалинского августа 1945 года, но после десяти утра, как по заказу военных, вдруг открылся солнцем. Дождевые тучи, не успев пролить свою влагу, нехотя, подгоняемые бодрим ветерком, уплыли в просторы океана. Ветер слегка трепал знамя Победы над зданием музея, где ещё совсем недавно развивалось большое белое полотнище с красным кругом посередине, поверженной ныне Японии. Сорокалетняя эпоха Карафута стала просто историей.

- После парадного прохождения, знакомый нам Яськов, глубоко озабоченный, что не встретил своего боевого товарища, отпросившись у командира, пошёл-таки, искать того по системе - а вдруг.... Пошёл он в западном направлении по правой стороне дороги.

- Неужели пулемётчик забыл о договоре, идя навстречу и попутно потоку военных людей, - думал снайпер. Хотя, может пуля японская, кроме таза ещё и голову ему повредила. Ну, что - забыл парень...., забыл. А день так разошёлся, стало тепло - захотелось просто посидеть.

- А...., ладно успею ещё, посижу, покурю, - подумал Яськов, присев на какой-то обресток от бревна. Скрутил пятиминутную самокрутку, закурил, подставляя голову тёплому потоку воздуха. Нет, негоже эдак, усну ведь, идти надо. Пойду назад, а то увольнительной нет, задержит какой-нибудь патруль, заарестуют, не докажешь ничего, да и командира подведу. Отпустил под честное слово на один час.

- А, тут этот Зуев, Зуев.... Как та заноза в интересном месте. А где он, тот Зуев-то? Снайпер поднялся и пошёл назад, только уже по другой стороне дороги на восток. Не совсем ещё потеряв надежду, по ходу он всё же посматривал на встречных. Хотя встречные были в основном на одно военное лицо, различаясь лишь цветом погон, нашивками, да знаками различия на погонах. Уже пройдя здание музея и, оставив надежду на встречу, он вдруг вздрогнул от окрика знакомого голоса:

- Товарищ снайпер, можно вас на минуточку.

Вздрогнув от неожиданности, даже не от окрика, а от приятных голосовых ноток знакомого голоса, Яськов оглянулся. Перед ним, опираясь на теперь вполне приличный медицинский костыль, стоял всё тот же Зуев - бледноватый, похуевший, но тот....

- Во! Надо же, что ни день, то какой-нибудь нежданчик, со мной случается. Ну, вот скажите люди добрые, - восторженно воскликнул Яськов, как бы обращаясь к прохожим. Вот что тут делает этот бледный и худой ранбольшой с костылем! Зуев, чертяка, давай хоть обнимемся в честь победы. А то я уже подумал, что забыл ты наш уговор.

- Да не забыл я, не забыл. Память у меня...., капкан! Друзья обнялись.

- Послушай Зуев, давай ка мы присядем, где-нибудь. Вон на ту скамеечку, например.

- Так, занята же она.

- Ничего, хлопчики потеснятся, для раненного героя место всегда найдётся. Сел, вот и славно. Слушай меня теперь дальше. Время моё почти вышло. Я сейчас до командира слетаю, расскажу, покажу, где мы с тобой расположились. Вон, видишь, за оградкой в скверике солдатики спуют туда-сюда - вот то и есть мой батальон. Командир, понимаешь, меня на часик отпустил. Пока я тебя искал, он и ушёл часик - то! А как, обрисую ему обстановку может ещё на полчаса отпустит. Он мужик у нас толковый. Ну, а нет, тогда посматривай на оградку. Махну тебе, ты подойдёшь, потолкуем ещё. Я быстро - жди.... Минут через десять снайпер вернулся.

- Ух, - вытирая пот со лба, произнёс Яськов. Прямо ешки - поварёшки сплошные.... Уморился, тебя искалши. Думал, может, если не встречу тебя на парале, так на улице найду, а тебя нет, как нет. Я по улице туда, обратно протопал - нет.... Ну, да ладно. Как здоровье? Где та пуля японская?

- А что здоровье - как дерьмо коровье. Всё подживает, вроде бы и не плохо. Вот только как раз та пуля, будь она неладна, она что-то там с моим тазом и натворила - хирург осколки кости, пулю аккуратненько в бинтик завернул и на память мне подарил. Сказал, что комиссуют, но выпишут с костылём. Ещё одну операцию надо будет сделать позже, когда всё подживёт. Сейчас, говорил, надо нам справиться с гнойной заразой, справимся, тогда и костылики отбросишь.... Если бы, мол, я сразу к нему попал на стол, то всё было бы по-другому. Посмотрим, говорит, может чего-нибудь отпилить придется - прямой такой, как та ножовка.... Да....! Так и сказал. Я чуть не упал, хоть и на полу лежал.... Подурнело во мне как - то всё. А он мне - раз...., ватку вонючую под нос, аж слёзы из глаз посыпались. Я ему толкую, что мол, согласен на всё, только не пилите у меня ничего. Теперь у меня задница после укола прошита, как очередь с пулемёта, но всё равно это лучше, чем пилить.... А позавчера, утром сказал, что крик какой - то я прошёл, пилить не будет.... Сегодня отпустил на встречу, ребята сюда подвезли, скоро за мной заедут по пути. Вот я потихоньку с костыликом в обнимку и шлындаю здесь. Думаю, может, повезёт - увижу этого усатого подсолнуха....

- Ну, ничего не жюришь хлопеч. Раз кость есть, мяско нарастёт. А такого бравого пулемётчика в любой госпиталь возьмут. Смотрю, старшиной стал, орден Красной Звезды, медалька прибавилась - молодец.

- Да и ты старший сержант, braveйший такой, орден как у меня добавился, медаль. Чуть по званию меня не обогнал.

- Да, видишь, как оно получается, - с грустью произнёс снайпер, - наш комбат Смирных сказал - сделал, вот мы и награжденные с тобой. А его самого снайпер свалил. Обидно как - то: я же неподалёку от него был. А вот, не доглядел.... Мы тогда, считай, за полдня хорошо продвинулись, а после обеда батальон залёг: обстрел сильный был от японцев. Новеньких бойцов пришло много с пополнением. Малость сдрейфили ребята. Людей комбат берёт, тем более знал война вот - вот закончится. Вызвал артиллерию нашу. Только они отутюжили позиции японцев, он сам поднялся и побежал, не оглядываясь. А тут снайпер ихний прямо в билет партийный...., в сердце, значит.... Когда, все узнали о смерти командира, ох, дали мы японцам жару.... Пленных не было - остервенели ребята: больше двух сотен за него уложили.... Снайпер ушёл, зараза. Мы потом всё обшарили, нашли его засидку - видно старая, давнишняя, похоже, запасная. Царство небесное нашему командиру, - перекрестясь, произнёс Яськов....

- Ну, а дома - то как, - спросил Зуев. Раненный тот не появлялся, детки все на месте, новых в твоё отсутствие не появилось....

- Ха, ну вот...., ну вот...., узнаю прежнего пулемётчика Зуева - мать, моя кочерыжка. И, опять он за своё. Нет, твоим ртом только в свисток свистеть.... А...., всё равно хорошо! Значит, тело твоё и дело идут на поправку. Не обижаюсь на тебя. А дома, да вот 16 числа, когда комбата убили, к вечеру, я тогда тебе не сказал, почта к нам прибилась - весточку с ней я и получил от жены. Пишет, всё хорошо, с родителями живёт. Что в октябре, как ты говорил, будет добавка семейная. По всем женским приметам мальчик должен быть. Ты мне лучше скажи, не в обиду конечно - чего у тебя семьи, детей нет до сих.... Парень - то ты видный, ладно скроен и по военной смекалке тоже, а значит и в хозяйстве был бы не последним. Мне мама ко - о - о - гда ещё говорила, что некоторых детишек в капусте находят, а меня, например, птица агроменная такая принесла, не упомяну, как её зовут....

- Это аист, что ли?

- Во, точно, аист. Они, мол, с пустыми клювами не летают, кого-нибудь в нём да тащут. Вот и меня притащили тоже.

- Смешной ты Яськов. Аисты это не для меня. Может, они и пролетали надо мной. Да только видят: толку с того вояки никакого, потому и не принесли мне, - со вздохом ответил Зуев. Я ведь, тоже уже седьмой годок служу. Сперва в Приморье, потом сюда перебрались, война.... Формировали тогда дивизию нашу. В сорок четвёртом Смирных стал батальоном командовать. Крутой по нраву, но справедливый, дело своё очень хорошо знал. Заботился о нас.

Не было той землянки или блиндажа, где жили бойцы, в которой бы он не побывал. Бани обустроил из подручных средств. Как

то в нашу землянку забрался, подсмотрел, как мы смастырили из банок печку. Потом приводил к нам сержантов - переняли все: весь батальон зато в тепле.... Гонял, правда, нас, как тех коз Сидоровых. Но за усердие комдив подарил кинопередвижку. С обеда и до вечера крутили фильмы - к нам с других батальонов, рот и полков даже приходили. Жалко, конечно, его - хороший человек был. Из казаков, говорили: от земли матушки, от солнышка...., а такие плохими не бывают.... Мог бы ещё жить да жить: четверо детей остались без отца - в Абрамовке они жили....

Дак, вот я тоже про то. Поберёт бы себя.... А так - что в атаку с нами, разведка боем, он впереди.... Жалко, очень жалко командира, сиротливо как то стало...., - с горечью ответил друг. О, ты слышал Зуев, ребята наши меня кричат, свистят - это мне, построение, верно. Побежал я. Ты давай слушайся доктора, чтобы тебе ничего не отпилили. Выздоровливай, может, где и встретимся, где живу, знаешь. Вот тебе и японские ботинки...., пришла брат пора прощаться. Давай братишка, давай! И, чтобы тебя аист не облетал стороной - каждый год завёртывал к тебе. Бывай здоров Зуев Владимир Данилович!

- Будь и ты здоров Яськов Алексей Алексеевич!

На этом парады, а лучше сказать парадные встречи не закончились. В один из октябрьских дней 1945 года, шел снег. По первой пороше вернулся на место своей постоянной дислокации 165 стрелковый полк. На торжественной церемонии в районе стадиона села Омор его встречал весь штаб 79 дивизии и политотдел. Встречали победителей, которые просто хорошо сделали своё ратное дело - они ещё носили погонны.

В том же октябре в город Александровск - Сахалинский из порта Одомари - Корсаков на пароходе «Туркмен» прибыл 179 стрелковый полк. В честь победителей встречали его, как и положено, с музыкой. С погодой полку тоже не повезло - шёл холодный со снегом дождь. Кончились речи, опустела импровизированная трибуна.... В стороне от неё, забко кутаясь в большой красивый платок, который совсем ещё недавно, накинул ей на плечи тёплыми, любящими руками муж, стояла вдова Смирных - Александра Демьяновна. К ней подошли однополчане комбата. Обнимали, утешали со слезами на глазах - как могли эти суровые мужчины победители. Подарили месячный офицерский паёк и чёрный трофейный плащ - точно такой когда - то одевал её муж.

Теперь полк шёл мимо неё, он приветствовал эту женщину, достойную всех похвал: мать, жену, неизменную спутницу советского офицера. Он понимал её, скорбил с ней о потере мужа - командира, который незримо шёл сейчас впереди своего батальона, но ушел навсегда, выполнив воинский долг.... - затих вдали и шум шагов уходящего полка....

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

АДМИНИСТРАЦИИ МУНИЦИПАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ ГОРОДСКОЙ ОКРУГ
«СМИРНЫХОВСКИЙ»
САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ

От 18.06.2020 № 748 п.г.т. Смирных

О внесении изменений в муниципальную программу «Развитие физической культуры, спорта и реализация молодежной политики в муниципальном образовании городской округ «Смирныховский», утвержденную постановлением администрации МО ГО «Смирныховский» Сахалинской области от 31.10.2019 года №1460

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030», постановлением администрации МО ГО «Смирныховский» от 10.01.2014 г. № 1 «Об

утверждении Порядка разработки и оценки эффективности муниципальных программ МО ГО «Смирныховский», администрация муниципального образования городской округ «Смирныховский» постановляет:

1. Внести в муниципальную программу «Развитие физической культуры, спорта и реализация молодежной политики в муниципальном образовании городской округ «Смирныховский», утвержденную постановлением администрации муниципального образования городской округ «Смирныховский» от 18.05.2015 года № 690, следующие изменения:

1.1. Строку «Объемы и источники финансирования Программы» Паспорта программы изложить в следующей редакции:

«Общий объем средств, направляемых на реализацию финансирования мероприятий Программы, составляет 816252,0 тыс. руб., в том числе:

Объем финансового обеспечения Программы по годам:

Год	Федеральный бюджет	Областной бюджет	Местный бюджет	Внебюджетные источники	Всего
2014	0	50082,5	2802,9	0	52885,4
2015	0	53658,6	11611,3	0	65269,9
2016	0	81126,5	28241,8	0	109368,3
2017	0	77518,6	28191,1	0	105709,7
2018	5100	15635,7	45456,2	0	66191,9
2019	0	9636,4	63506,4	0	73142,8
2020	0	6255,4	43651,5	0	49906,9
2021	0	979,6	31879,1	0	32858,7
2022	65294,7	45878,5	31380,2	0	142553,4
2023	0	0	38750	0	38750
2024	0	0	39795	0	39795
2025	0	0	39820	0	39820
Всего	70394,7	340771,8	405085,5	0	816252,0

1.2. Абзац № 2 раздела 5 «Ресурсное обеспечение Программы» изложить в следующей редакции:

«Общий объем средств, направляемых на реализацию мероприятий Программы, составляет - 816252,0 тыс. рублей, в том числе по годам:

Продолжение на 10-й стр.